

ЗНАК

проблемное поле медиаобразования

научный журнал
№ 3 (33) 2019

Основан в 2007 году

SIGN

problematic field of media education

Research Journal
No 3 (33) 2019

Published since 2007

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю.

Информационная война: к генезису термина

Гладышева С. Н.

Журнал для детей «Зеленая палочка» (1920–1921) в социокультурном пространстве русского зарубежья

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В.

Личные местоимения – знак личности и эпохи (на материале статьи А. П. Сумарокова «Истолкование личных местоимений я, ты, он, мы, вы, они», 1759)

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ВОПРОСЫ МЕТОДОВ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

Пром Н. А.

Знание как ценностный компонент медиафакта

Черкасова И. П., Испирян А. Т.

Концепт «толерантность» в современном медиадискурсе (на материале русского, английского и немецкого языков)

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ПРАВО И СМИ

Негров Е. О.

Дискурсивные практики манифестирования идентичности в современной Европе: на примере избирательной кампании по выборам в европейский парламент в 2019 году

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В АСПЕКТЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Vyrovtsseva E. V., Pu I.

Interview genre in modern newspaper (the example of newspaper “Arguments and facts”): language means of dialogics

Фаюстов А. В.

Обеспечение коммуникации между научным сообществом и СМИ: проблемы и пути их решения медиаслужбой федерального университета

Юдина И. Г., Базылева Е. А.

Сайт академической организации как платформа для продвижения научных достижений

HISTORY OF JOURNALISM

76 **Barabash V. V., Kotelenets E. A., Lavrenteva M. Yu.**

Information warfare: studying the genesis of the terminology

90 **Gladysheva S. N.**

Children`s magazine «Green Wand» (1920–1921) in sociocultural space of russian emigre community

96 **Slozhenikina Yu. V., Rastyagaev A. V.**

Personal pronouns - a sign of personality and epoch (in the article by A. P. Sumarokov “Interpretation of personal pronouns i, you, he, we, you, they”, 1759)

THEORY OF JOURNALISM AND THE ISSUES OF MEDIA RESEARCH METHODS

104 **Prom N. A.**

Knowledge as a value component of mediafact

110 **Cherkasova I. P., Ispirian A. T.**

The concept “tolerance” in the modern media discourse (on the material of russian, english and german)

ECONOMICS, POLITICS, LAW AND MEDIA

116 **Negrov E. O.**

Discursive practices of manifestation of identity in modern Europe: on example of election campaign on elections to the European parliament in 2019

PUBLIC SPHERE IN THE ASPECT OF MASS COMMUNICATIONS

130 **Vyrovtsseva E. V., Pu I.**

Interview genre in modern newspaper (the example of newspaper “Arguments and facts”): language means of dialogics

138 **Fayustov A. V.**

Communication between academic community and mass media: challenges and opportunities for the media service of the federal university

150 **Yudina I. G., Bazyleva E. A.**

The academic organizations website as a platform for promotion of scientific achievements

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МАНИФЕСТИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В 2019 ГОДУ

Статья посвящена анализу дискурсивных практик формирования и развития европейской идентичности в рамках публичного дискурса в странах Европейского союза, объединяющего 28 государств Европы, на примере выборов в Европарламент в 2019 году. Определяются основные модели конструирования идентичности, а также ведущие акторы данного процесса. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. Актуальность исследования состоит в сочетании достаточно фундаментального обзора основных направлений исследования дискурсивных практик формирования и манифестирования идентичности, а также предложенной моделью классификации таких практик, и привлечения конкретного эмпирического исследования, посвященного избирательной кампании в Европарламент весны 2019 года, что позволяет осветить разные аспекты ситуации.

Ключевые слова: политическая идентичность, европейская идентичность, дискурсивные практики, Европейский союз, выборы в Европарламент.

Настоящая статья посвящена анализу дискурсивных практик формирования и развития европейской идентичности в рамках публичного дискурса в странах Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС), объединяющего 28 государств Европы, на примере выборов в Европейский парламент (далее – Европарламент) в 2019 году. Определяются основные модели конструирования идентичности, а также ведущие акторы данного процесса (политические партии, лидеры общественного мнения и т. д.). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Актуальность исследования, на наш взгляд, несомненна, и состоит в том, что поиск консенсуса вокруг вопроса о европейской идентичности касается не только академического дискурса, но остро стоит в политической повестке дня и активно используется различными политическими силами в реальной политической борьбе. Систематизация подходов к идентичности и эмпирическая часть, посвященная выборам в Европарламент весной 2019 года, могли бы, с нашей точки зрения, быть достаточно полезными и для лиц, принимающих решения в сфере культурной политики (как на уровне законодательной власти, так и на уровне исполнительной, в рамках работы Федерального агентства по делам национальностей) в нашем Отечестве. Также нельзя не учитывать фактор опосредованности рассматриваемых вопросов средствами массовой коммуникации (далее – СМК). Очевидно, что СМК являются важнейшим участником политической коммуникации, и исключение материалов СМИ из анализа значительно обеднило бы и исказило картину современного политического дискурса в целом, и анализ дискурсивных практик манифестирования идентичности конкретно. Но здесь присутствует и обратный момент: сами СМК могут вольно или невольно исказить политическую действительность. С одной стороны, именно благодаря средствам массовой информации объекты политических действий предстают в роли свидетелей политических процессов, однако, с другой, бывает,

что аналитический прессинг со стороны СМИ настолько велик, что интерпретация событий нередко приобретает большую значимость, чем само событие [подробнее см. 40]. Таким образом, роль СМИ и шире – коммуникационного и медийного факторов – приобретает весьма большое значение, так как позволяет классифицировать его по многим критериям, в том числе по таким, как открытость/закрытость и управляемость/свобода. Важно отметить и то, что в прагматической структуре политической коммуникации СМИ выполняют функцию медиатора – посредника между политическими акторами и объектами их действий, то есть электоратом. Роль эта в какой-то мере близка к роли адресата-ретранслятора, но не вполне с ней совпадает, так как коммуникативная задача адресата-ретранслятора заключается лишь в получении сообщения и доведения его до действительного адресата [27], тогда как медиатор, с одной стороны, далеко не всегда является тем адресатом, которому адресант намеренно передает сообщение для озвучивания перед массовой аудиторией, а, наоборот, выступает в роли интерпретатора, причем не всегда объективного и доброжелательного, а с другой, сам по себе процесс ретрансляции в большинстве случаев сопровождается собственным вкладом в коммуникацию, который может во многом изменить конечную цель адресанта [36. С. 58].

Категория политической и гражданской идентичности достаточно хорошо разработана в зарубежной и отечественной науке. Начиная с классических трудов Р. Ансача, первым предложившим термин «политика идентичности», и исследований Э. Хобсбаума по методологии анализа различных идентичностей, накоплен обширный материал, связанный как с предлагаемыми теоретическими моделями, так и с практической составляющей проявления и трансформации идентичности. В рамках опоры на основные материалы по теме, вышедшие уже в XXI веке, следует выделить из новейших исследований труды С. Ю. Белоконова, В. В. Титова и З. Р. Усманова [4], И. Л. Прохоренко [28], Е. В. Шишкиной, Е. В. Викторова и О. В. Алексеевой [37], а из более ранних, но сохраняющих свою актуальность и релевантность сегодняшней политической обстановке, – С. В. Арапиной [1], В. А. Ачкасова [2, 3], М. В. Берендеева [5], Г. И. Вайнштейна [6], К. С. Гаджиева [7], В. Я. Гельмана [8], И. Гофмана [9], М. Н. Губогло [10], А. С. Гусева [11], В. В. Лапкина [14, 15], В. И. Пантина и И. С. Семененко [15], О. Ю. Малиновой [16], К. И. Олениной [18], П. В. Панова [19], В. И. Пантина [20], О. В. Поповой [23, 24, 25, 26], С. Роккана и Д. В. Урвина [29], М. В. Руткаускайте [30], И. С. Семененко [31, 32], Л. В. Сморгунова [33], Т. В. Соболев [34], И. Н. Тимофеева [35], Ф. Черутти [39], Т. А. Шубниковой [38], а также весьма информативный и содержательный сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН «Идентичность как предмет политического анализа» [13], изданный в 2010 году, и двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности» [21; 22], вышедший в свет в 2012 году. В качестве методологической основы наложения различных дискурсивных практик на агитационные материалы политических сил, борющихся за места в Европарламенте, используются данные монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» под редакцией Л. В. Куликовой [12].

Достаточно очевидно, что сама идея единой европейской идентичности – давний концепт, который волновал практиков и теоретиков европейской политики на протяжении веков. Эта идея, так или иначе, находится в постоянном движении, обновлении, дополнении, причем сам по себе этот процесс развивается не всегда линейно. Но для большинства европейцев данный вопрос особенно актуализировался с момента начала функционирования Евросоюза в 1993 году и на сегодня (начиная с 2013 года) касается жителей 28 европейских государств.

По мнению ряда исследователей [см., к примеру, 1; 5], для большинства жителей ЕС идентичность является, с одной стороны, фактором наднациональным, а с другой – фактором интеграции и синтеза политической, экономической, этнокультурной и иных практик. И, очевидно, что с такой задачей гармоничного синтеза Евросоюз в его нынешнем виде в полной мере не справляется, примером чего и являются рассматриваемые нами выборы в Европарламент в 2019 году.

В принципе, в общеевропейском дискурсе фактор европейской идентичности является одним из основополагающих, при этом общего консенсуса по поводу наполнения данного понятия не существует. Однако еще в 2012 году петербургским ученым О. В. Поповой было выделено четыре основных подхода к вопросу о самой сути европейской идентичности [23. С. 78–80]:

1. Отрицание сущностного наполнения понятия (констатация превалирования национальной идентичности и абсолютной вторичности и «пустоты» понятия «европеец» для рядового жителя Евросоюза);

2. Противостояние культурно-цивилизационной и формально-институциональной составляющих европейской идентичности (что важнее – принадлежность к многовековой европейской культуре или четкое следование или хотя бы манифестируемая лояльность к правилам и институтам, декларируемым общеевропейскими документами);

3. Медленная трансформация национальной идентичности в общеевропейскую, скорость которой зависит от страновых и региональных особенностей (от сугубо территориальной идентичности в Норвегии, Исландии, Португалии, Австрии, Дании до пространственной в Румынии и Венгрии);

4. Социальный конструктивизм в соответствии с программой Евросоюза, в котором участвуют различные элитные группы.

К этим четырем подходам, каждый из которых имеет не только академическую составляющую, но и дискурсивные практики придерживающихся их политических акторов, за прошедшее время добавились, на наш взгляд, еще два:

1. Идентичность на основе отрицания/страха «Другого» (Европа как осажденная крепость в турбулентном мире);

2. Мессианская идея (Европа как передовой край цивилизации, чей долг задавать политические, этические, культурные стандарты для будущих поколений) (подробнее о возможных вариантах трансформации идентичности см. [17]).

В европейском публичном дискурсе мейнстримом считается положение о том, что идентичность представляет собой социальный конструкт, тесно связанный с интеграционными процессами. Известнейшие философы и лидеры общественного мнения француз Жак Деррида (1930–2004) и немец Юрген Хабермас (р. 1929) еще в 2003 году опубликовали манифест под названием «После войны: возрождение Европы», где писали следующее: «Сегодня нам известно, что многие политические традиции, претендующие на авторитетность под предлогом своей естественности, на самом деле «изобретены». В противоположность им, та европейская идентичность, что смогла бы возникнуть при свете публичности, была бы сконструированной с самого начала (Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы [манифест] // Отечественные записки, 2003. – № 6 (15). – URL: http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy#s* (дата доступа 27.06.19)).

Как будет видно из эмпирической части исследования, различные политические группы в своей борьбе за голоса избирателей на выборах в Европарламент придерживаются различных обозначенных подходов.

При анализе обозначенных процессов не стоит забывать, что если рядовой представитель электорально значимого большинства не испытывает дефицита в демократических процедурах на национальном уровне, нельзя зафиксировать такое же положение вещей на уровне наднациональных структур, определяющих политику Евросоюза в целом. Ни Еврокомиссия, ни иные структуры «коллективного Брюсселя» (тот же Совет Евросоюза) не проходят процедуру легитимации путем выборов. И только Европарламент, функционал которого весьма ограничен, выбирается всеми жителями единого европейского пространства. Именно поэтому он и выбран нами в качестве материала для эмпирического исследования.

Из анализа исторических процессов видно, как именно технологически и дискурсивно конструировалась европейская идентичность. Первая Декларация европейской идентичности была подписана девятью первыми странами-членами Евросоюза (первыми шестью странами, стоящими у истоков создания Европейского объединения угля и стали – Бельгией, Германией, Италией, Люксембургом, Нидерландами и Францией, – и тремя присоединившимися странами – Великобританией, Данией и Ирландией) в декабре 1973 года. Там было зафиксировано, что «несмотря на вражду и конфликты в прошлом, европейские страны имеют общие цели и интересы. Это должно способствовать объединению Европы и созданию общеевропейских институтов. Основными принципами институтов должны быть верховенство прав человека, соблюдение законов и демократия» (Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). – URL: <https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/>

publishable_en.pdf (дата обращения 27.06.19)). Очевидно, что с тех пор данные процессы прошли существенный эволюционный путь.

Конечно, существует достаточно форм вовлечения граждан Евросоюза в политический процесс – референдумы, плебисциты, опросы общественного мнения, публичные дискуссии и т. д. Но сам процесс выборов в Европарламент можно назвать определенным маркером наднациональной идентичности европейских граждан, а сама эта тема выступает в качестве определенного ресурса для различных политических групп и акторов. Причем на линейке политического спектра, от Еврооптимистов (Европейская народная партия, ХДС/ХСС и т. д.) до Евроскептиков (Европейские консерваторы, «Европа свободы и демократии») существуют различные подходы и дискурсивные практики по этому вопросу, и нашей задачей является классифицировать и систематизировать эти основные подходы и практики.

Европарламент является законодательным и представительным органом Евросоюза, напрямую избираемый гражданами государств-членов этого объединения. Вместе с Советом Евросоюза Европарламент является аналогом двухпалатной законодательной ветви власти, представляющий как большинство населения, так и политическую элиту. Европарламент был создан в 1957 году и сначала назывался Ассамблеей Европейских сообществ, куда парламенты стран-членов ЕС направляли своих представителей. С 1979 года введены прямые выборы, проводящиеся каждые 5 лет, в которых активным избирательным правом наделен любой гражданин одной из стран-членов ЕС. В рамках внутренней политической структуры Европарламента депутаты делятся на политические фракции, которые представляют собой общеевропейские партийные объединения (так, 8 фракций Европарламента, представленные в недавно выбранном созыве, объединяют депутатов более 150 различных национальных партий и объединений). Основное место локации Европарламента находится в Страсбурге (Франция), также есть официальные здания в Брюсселе (Бельгия) и Люксембурге.

При всем этом значение Европарламента в рамках влияния на реальный политический процесс не очень существенно. Депутаты Европарламента не имеют права даже на определение повестки дня в рамках своих заседаний, ее вносит Еврокомиссия, при этом реальная роль Европарламента в области международной политики практически равна нулю. Тем не менее сами по себе выборы в этот общеевропейский орган являются важным медийным событием, шлейф от которого тянется на протяжении длительного времени и косвенно влияет на внутреннюю политическую жизнь многих стран Евросоюза, а также на дискурс об европейской идентичности – как академический, так и публичный (подробнее – см. [41]).

В таблице 1 представлена динамика явки на выборах в Европарламент в рамках трех последних электоральных циклов – 2009, 2014 и 2019 года.

Таблица 1

*Динамика явки на выборах в Европарламент
на трех последних выборах
(по официальным данным выборов в Европарламент)*

№	Выборы	Средняя явка, %	Минимум явки (% , страна)	Максимум явки (% , страна)
1.	4–7 июня 2009 года	43,0	19,6 (Словакия); 20,4 (Словения); 20,5 (Литва); 24,5 (Польша); 27,7 (Румыния); 28,2 (Чехия)	91 (Бельгия, Люксембург)
2.	22–25 мая 2014 года	42,6	13 (Словакия); 19,5 (Чехия); 21 (Словения); 22,7 (Польша); 25,1 (Хорватия); 28,9 (Венгрия)	90 (Бельгия, Люксембург)
3.	23–26 мая 2019 года	50,6	22,7 (Словакия); 28,7 (Чехия); 28,9 (Словения); 29,9 (Хорватия)	88,5 (Бельгия); 84,2 (Люксембург)

Из представленных данных видно, что средняя явка по всем странам за последние три цикла составляет 45,4 %, и колеблется от четверти потенциальных избирателей в «молодых» странах-членах ЕС из Восточной Европы (Венгрия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия) до девяти десятых в таких странах-основательницах Евросоюза, как Бельгия и Люксембург. Очевидно, что «молодые» страны-члены Евросоюза менее охотно голосуют на выборах в Европарламент.

Также обращает на себя внимание рост средней явки на прошедших в мае 2019 года выборах сразу на 8 процентных пунктов и повышение интереса к ним у в основном абсентеистски настроенных граждан стран Восточной Европы. В таблице 2 показано политическое представительство фракций в Европарламенте трех последних созывов.

Таблица 2

Политическое представительство фракций в Европарламенте трех последних созывов (по официальным данным выборов в Европарламент. – URL: <https://www.europarl.europa.eu> и <https://www.election-results.eu> (дата обращения 02.07.19))

№	Партия/Блок	С%	2009	2014	2019
1.	Европейская народная партия (EPP) (основ. в 1976 году)	29,5	274/35,8	217/28,9	179/23,8
2.	Прогрессивный альянс социалистов и демократов (S&D) (созд. в 1953 году, под данным названием с 2009 года)	23,7	195/25,5	189/25,1	153/20,4
3.	Альянс либералов и демократов (ALDE), в 2019 в составе блока «Обновляя Европу» с участием Европейской демократической партии (основ. в 1993 году, под данным названием с 2004 года)	11,4	83/10,9	68/9,3	108/14,4
4.	Европейские консерваторы и реформисты (ECR) (основ. в 1973 году, под данным названием с 2009 года)	8,5	57/7,4	74/9,8	63/8,4
5.	Зелёные–Европейский свободный альянс (Greens/EFA) (основ. в 1999 году)	7,8	58/7,6	51/6,8	68/9,0
6.	Европа за свободу и прямую демократию (EFDD), в 2019 вместе с партией Брексита (основ. в 2009 году)	5,9	31/4,0	45/5,9	58/7,7
7.	Европейские объединенные левые и Лево-зелёные Севера (GUE/NGL) (основ. в 1995 году)	5,7	35/4,5	52/6,9	38/5,1
8.	Европа наций и свобод (ENF) (основ. в 2015 году)	5,3	–	37/4,9	84/11,2
9.	Независимые депутаты	2,2	33/4,3	18/2,4	–
Всего		100	766/100	751/100	751/100

Итак, мы видим, что в рамках трех полноценных электоральных циклов в Европарламенте всего присутствовало, помимо независимых депутатов, 8 фракций, которые объединяли более 10 наднациональных политических объединений и более сотни национальных политических партий. Двумя несомненными флагманами, по своей сути повторяющими двухпартийную систему, были и остаются тяготеющая к правому идеологическому спектру центристская Европейская народная партия и умеренно левый Прогрессивный альянс социалистов и демократов, которые вместе вбирают чуть больше половины мандатов в рамках всех трех созывов. Далее, с заметным отставанием идут умеренно-центристский Альянс либералов и демократов, объединяющий классическую политическую элиту «старой» Европы, кстати, существенно увеличивший

свое представительство в новом парламенте (с 68 до 108 мандатов); консервативный блок с говорящим названием «Европейские консерваторы и реформисты», несколько потерявший свой политический вес (снижение с 74 до 63 депутатов); левый Европейский свободный альянс в сотрудничестве с классическими Зелеными (увеличение с 51 до 68 места); консервативный и радикально евроскептический блок «Европа за свободу и прямую демократию» (прирост от 45 до 58 депутатов); существенно просевшие Европейские объединенные левые и Лево-зелёные Севера (падение с 52 до 38 мест) и, наконец, главная сенсация прошедших выборов – ультраконсервативная «Европа наций и свобод», неформально возглавляемая весьма известным политиком и всеевропейским ньюсмейкером Марин Ле Пен – рост с 37 до 84 депутатских мест. Отметим, что независимых депутатов, не примыкающих ни к одной фракции, в новом парламенте не осталось. Конкретные темы и дискурсивные практики борющихся за места в Европарламенте политических сил представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Основные политические акторы, темы и дискурсивные практики предвыборной кампании в Европарламент в 2019 году

(по данным официальных сайтов попавших в новый созыв фракций и блоков – Европа за свободу и прямую демократию, фракция (URL: <https://www.efdgroupp.eu> (дата обращения 02.07.19)); Европа наций и свобод, блок (URL: <https://www.enfgroupp-ep.eu> (дата обращения 02.07.19)); Европейская народная партия (URL: <https://www.epp.eu> (дата обращения 02.07.19)); Европейские консерваторы и реформисты, фракция (URL: <https://www.ecrgroupp.eu> (дата обращения 02.07.19)); Европейские объединенные левые/Лево-зелёные Севера, политическая группа (URL: <https://www.guengl.eu> (дата обращения 02.07.19)); Зелёные–Европейский свободный альянс (URL: <https://www.greens-efaeu> (дата обращения 02.07.19)); Обновляя Европу, блок (URL: <https://www.reneweuropegroupp.eu> (дата обращения 02.07.19)); Прогрессивный альянс социалистов и демократов (URL: <https://www.socialistsanddemocrats.eu> (дата обращения 02.07.19)) и с частичным использованием методологии монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» [13])

№	Направление дискурса	Политические акторы (коллективные)	Основные Темы/ Практики/ Понимание идентичности
1.	Левый дискурс (S&D, Greens/ EFA, GUE/ NGL)	<u>Австрия</u> : Зелёные, Социал-демократическая партия; <u>Бельгия</u> : Зелёные!, Новый фламандский альянс, Социалистическая партия Валлонии, Социалистическая партия различия Фландрии, Эколо; <u>Болгария</u> : Зелёная партия, Социалистическая партия; <u>Великобритания</u> : Зелёная партия Англии и Уэльса, Лейбористская партия, Партия Уэльса, Сыны Корнуолла, Шинн Фейн, Шотландская национальная партия, Шотландская партия зелёных; <u>Венгрия</u> : Зелёные демократы, Социалистическая партия–Диалог за Венгрию; <u>Германия</u> : Левые, Социал-демократическая партия, Союз 90/Зелёные, Союз южношлезвигских избирателей; <u>Греция</u> : Всегреческое социалистическое движение, Зелёные, Коалиция радикальных левых «Синаспизмос», Коммунистическая партия; <u>Дания</u> : Красно-зелёная коалиция, Социал-демократы, Шлезвигская партия; <u>Ирландия</u> : Зелёные, Лейбористская партия, Социалистическая партия;	Социальные гарантии; увеличение налогов на богатых; экология; международное сотрудничество /// <u>Практики патернализма</u> : атрибуция иррациональности другому, конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как опровергнутого; <u>практики повышения авторитета</u> : апелляция к общепризнанным авторитетам; <u>практики контакта с аудиторией</u> : акцентирование внимания на справедливости и равенстве, создание нарратива; <u>практики сближения/ отчуждения</u> : атрибуция и сближение по свойствам (апологизация своего, диффамация чужого), стереотипизация

		<p><u>Испания:</u> Андалусистская партия, Аралар–Баскония, Баскская солидарность, Зелёная инициатива за Каталонию, Левая республиканская партия Каталонии, Объединенные левые, Социалистическая рабочая партия; <u>Италия:</u> Демократическая партия, Федерация зелёных; <u>Кипр:</u> Движение за социал-демократию, Зелёные, Прогрессивная партия трудового народа; <u>Латвия:</u> Латвийская зелёная партия, Социал-демократическая партия «Согласие», Социалистическая партия–Центр согласия; <u>Литва:</u> Социал-демократическая партия; <u>Люксембург:</u> Зелёные, Социалистическая рабочая партия; <u>Мальта:</u> Демократическая альтернатива, Лейбористская партия; <u>Нидерланды:</u> Зелёные, Зелёные левые, Партия труда, Социалистическая партия; <u>Польша:</u> Партия зелёных, Союз демократических левых сил; <u>Португалия:</u> Коалиция демократического единства, Левый блок, Социалистическая партия, Экологическая партия зелёных; <u>Румыния:</u> Зелёные, Социал-демократическая партия; <u>Словакия:</u> Зелёные, Направление–социальная демократия; <u>Словения:</u> Молодежная партия Словении, Социал-демократы; <u>Финляндия:</u> Зелёный союз, Социал-демократическая партия; <u>Франция:</u> Зелёные, Левый фронт, Окситанская партия, Социалистическая партия–Радикальная левая партия; <u>Хорватия:</u> Список за Риеку, Хорватские лейбористы–Партия труда; <u>Чехия:</u> Коммунистическая партия Чехии и Моравии, Мораване, Партия зелёных, Социал-демократическая партия; <u>Швеция:</u> Левая партия, Социал-демократическая партия, Экологическая партия зелёных; <u>Эстония:</u> Партия зелёных, Социал-демократическая партия</p>	<p style="text-align: center;">/// Отрицание сущностного наполнения понятия; социальный конструктивизм</p>
2.	Центристский дискурс (EPP, ALDE)	<p><u>Австрия:</u> Либеральный форум, Народная партия, Новая Австрия; <u>Бельгия:</u> Гуманистический демократический центр, Реформаторское движение, Христианские демократы и фламандцы; <u>Болгария:</u> Граждане за европейское развитие Болгарии, Движение за права и свободы; <u>Великобритания:</u> Либеральные демократы; <u>Венгрия:</u> Альянс свободных демократов, Фидес – Венгерский гражданский союз; <u>Германия:</u> Свободная демократическая партия, ХДС/ХСС; <u>Греция:</u> Демократический альянс, Новая демократия; <u>Дания:</u> Консервативная народная партия, Либеральная партия, Социально-либеральная партия; <u>Ирландия:</u> Либерально-консервативная партия;</p>	<p>Преодоление политического, экономического, миграционного и т. д. кризисов (и констатация их наличия); поиск компромисса по Брекситу; экономический рост; борьба с безработицей; этика поведения; регулирование (но не борьба с) миграции; социальное рыночное хозяйство; поэтапное реформирование систем налогообложения и здравоохранения</p>

	<p><u>Испания:</u> Демократическая конвергенция Каталонии, Демократический союз Каталонии, Либерально-демократический центр, Народная партия; <u>Италия:</u> Италия ценностей – Список ди Пьетро, Итальянские радикалы, Народ свободы, Союз центра; <u>Кипр:</u> Демократическое объединение, Объединенные демократы; <u>Латвия:</u> Для развития Латвии, Народная партия; <u>Литва:</u> Партия труда, Союз либералов и центра, Союз отечества–Христианские демократы; <u>Люксембург:</u> Демократическая партия, Христианско-социальная народная партия; <u>Мальта:</u> Националистическая партия (Мальта); <u>Нидерланды:</u> Демократы 66, Народная партия за свободу и демократию; <u>Польша:</u> Гражданская платформа, Крестьянская партия; <u>Португалия:</u> Социал-демократическая партия, Социально-демократический центр–Народная партия; <u>Румыния:</u> Демократическая либеральная партия, Национальная либеральная партия, Христианско-демократическая национальная крестьянская партия; <u>Словакия:</u> Свобода и солидарность, Словацкий демократический и христианский союз–Демократическая партия, Христианско-демократическое движение; <u>Словения:</u> За реальные дела–социальные либералы, Демократическая партия, Новая Словения–Христианская народная партия; <u>Финляндия:</u> Национальная коалиция, Финляндский центр; Франция: Республиканцы (Союз за народное движение); <u>Хорватия:</u> Демократическая ассамблея Истрии, Хорватская народная партия–Либеральные демократы, Хорватское демократическое содружество, Христианско-демократический призыв; <u>Чехия:</u> Христианско-демократический союз; <u>Швеция:</u> Партия центра, Народная партия – либералы, Умеренная коалиционная партия, Христианские демократы; <u>Эстония:</u> Отечество, Партия реформ, Центристская партия</p>	<p>///</p> <p><u>Практики патернализма:</u> обработка иррациональности;</p> <p><u>практики повышения авторитета:</u> создание объективной тональности, более широкое употребление специальной терминологии, использование статистических данных, конструирование статуса, манифестация широкой информир-ти, нейтральная идентификация;</p> <p><u>практики контакта с аудиторией:</u> акцентирование внимания на достижениях, опора на моральные и этические нормы и ценности;</p> <p><u>практики сближения/отчуждения:</u> дискурсивное трансформирование образа «Другого», его делигитимация</p> <p>///</p> <p>Симбиоз культурно-цивилизационной и формально-институциональной составляющих идентичности; контролируемая трансформация; социальный конструктивизм</p>
3.	<p><u>Австрия:</u> Австрийская партия свободы; <u>Бельгия:</u> Новый фламандский альянс, Фламандский интерес; <u>Болгария:</u> Болгарское национальное движение; <u>Великобритания:</u> Консервативная партия, Партия независимости Соединённого Королевства; <u>Германия:</u> Семейная партия;</p>	<p>Евроскептицизм; анти иммиграционная тематика; государственная поддержка национального капитала, малого и среднего бизнеса; апологизация Брексита</p>

		<p><u>Греция</u>: Народный православный призыв; <u>Дания</u>: Датская народная партия, Консервативная народная партия; <u>Италия</u>: Братья Италии, Движение пяти звёзд, Лига Севера, Направление: Италия; <u>Латвия</u>: Отечеству и свободе; <u>Литва</u>: Порядок и справедливость; <u>Нидерланды</u>: Партия Свободы, Реформатская партия, Христианский союз; <u>Польша</u>: Конгресс новых правых, Право и справедливость; <u>Румыния</u>: За Румынию!; <u>Словакия</u>: Национальная партия, Простые люди, Свобода и Солидарность; <u>Финляндия</u>: Истинные финны; <u>Франция</u>: Движение за Францию, Национальный Фронт; <u>Хорватия</u>: Консервативная партия; <u>Чехия</u>: Гражданская демократическая партия, Партия свободных граждан; <u>Швеция</u>: Шведские демократы</p>	<p style="text-align: center;">///</p> <p><u>Практики патернализма</u>: актуализация симптома иррациональности, атрибуция иррациональности другому, конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося; <u>практики повышения авторитета</u>: апелляция к общепризнанным авторитетам; <u>практики контакта с аудиторией</u>: ирония и сарказм (преувеличение, игра слов, контраст и т. д.), опора на религиозные нормы и ценности; <u>практики сближения/отчуждения</u>: идентификация как разграничение «Добра» и «Зла», установление ассоциативных связей, дискурсивная идентификация чужих, обоснование его статуса, дисфемизация оппонентов</p> <p style="text-align: center;">///</p> <p>Идентичность на основе отрицания/страха; мессианская идея</p>
--	--	--	---

В самой таблице достаточно наглядно отражены основные политические акторы, дискурсивные практики и тематика ведущих политических сил, боровшихся за внимание избирателей на прошедших выборах. Конечно, приведенные данные не означают жесткой ригидности структуры дискурсивных практик в каждом конкретном случае. Как уже было показано выше, большинство политических акторов пользуется различными, порой взаимоисключающими практиками и апеллируют к разным социальным группам. Можно говорить о преобладании той или иной формы, ее предпочтительности, и получившиеся данные, на наш взгляд, весьма информативны.

Очень показателен, к примеру, симбиоз в рамках Европейского свободного альянса левых зелёных, традиционно настроенных достаточно интернационалистски, если не сказать, наднационально, и различных малых политических партий, представляющих интересы и/или даже добивающихся политического суверенитета национальных или этнических меньшинств в рамках своих государств, который может смущать академического исследователя, но абсолютно не смущает самих игроков на европейском политическом рынке.

Есть такие политические силы (к примеру, т. н. «Народники», «Зеленые» и т. д.), которые не видят разницы между своей партийно-политической идентичностью и общеевропейской, то есть для них сама идея укрепления единой европейской идентичности является важной частью их идеологических платформ и картины мира. И такие партийные группы способствуют формированию евроидентичности своего электората. Другое дело, что он тает и уменьшается.

Представители левых сил достаточно амбивалентно манифестируют европейскую идентичность, на первый план выдвигая значимость общеевропейского культурного наследия. Евроскептики же в подавляющем большинстве – от консерваторов до националистов – достаточно ярко и четко манифестируют вторичность общеевропейской идентичности. Причем в духе «игры с нулевой суммой» видят в такой идентичности угрозу идентичности национальной.

Чем левее идеология той или иной политической европейской силы, тем она более склонна к дискурсу вины, самобичеванию и желанию «загладить вину» перед некогда колонизируемым миром. И здесь не стоит забывать, что исторически у истоков возникновения европейской идентичности как интеграционного фактора лежало желание преодолеть европейское прошлое, в том числе ужасы первой половины XX века с двумя мировыми войнами, геноцидом и Холокостом. В реальной жизни исторические корни европейской идентичности не выглядят

совсем уж сильными, и, если справедливо мнение об искусственности объединения литовцев и туркмен в «единую историческую общность – советский народ», то и единые основания идентичности у ирландцев и болгар или у венгров и тех же литовцев тоже не являются вполне естественными.

И наоборот, чем правее те или иные политические силы, тем важнее для них имманентные критерии идентичности. В дискурсе соответствующих политических сил четко прослеживается предпочтение белого автохтонного европейца-христианина вне зависимости от его политического и социального статуса человеку изначально другого цивилизационного кода.

Подытоживая исследование, заметим, что, на наш взгляд, пока на данный момент европейская идентичность в контексте выборов в Европарламент не выходит за рамки дискурса и политической риторики и слабо связана с контекстом реальной повести дня современного мира. Несомненно следующее: европейская идентичность представляет собой социальный конструкт и формируется с помощью различных государственных и надгосударственных механизмов, основными из которых являются символическая политика, наднациональное гражданство, открытые границы и беспрепятственное передвижение граждан, образовательная и экономическая интеграция. Очевидно, что мы присутствуем в начале долгого процесса, который приведет к тем или иным последствиям в зависимости от судьбы европейского интеграционного процесса и последствий принимаемых решений, и данный процесс сам по себе может и должен быть весьма поучительным для принимаемых решений в данной сфере в нашем Отечестве.

Список литературы

1. Арапина С. В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) // АШПИ: Алтайская школа политических исследований, 2013. URL: <https://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=2232> (дата обращения 24.06.19)
2. Ачкасов В. А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестник МГУ, 2010. № 4. Сер. 12. С. 63–67.
3. Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ, 2013, № 4. Сер. 6. С. 71–77.
4. Белоконев С. Ю., Титов В. В., Усманов З. Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН, 2019, № 1, вып. 21. С. 90–98.
5. Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2012, вып. 6. С. 70–79.
6. Вайнштейн Г. И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис, 2009, № 4. С. 123–134.
7. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии, 2011, № 10. С. 3–16.
8. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, № 6. С. 91–105.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-ц, 2000. 304 с.
10. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
11. Гусев А. С. Формирование политической идентичности в современной России (на примере Санкт-Петербурга и Амурской области): дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02. Санкт-Петербург, 2014. 328 с.
12. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под н. ред. Л. В. Куликовой. Красноярск: СФУ, 2015. 182 с.
13. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН 21–22 октября 2010 года. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
14. Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис, 2008, № 3. С. 40–47.
15. Лапкин В. В., Пантин В. И., Семененко И. С. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис, 2010, № 3. С. 40–59.

16. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*, 2010, № 2. С. 90–105.
17. Негров Е. О. Идеологическая идентичность петербуржцев первого десятилетия XXI века: коллективный портрет // *Политэкс*, 2001, № 2, том 7. С. 62–86.
18. Оленина К. И. Механизмы формирования европейской идентичности // *Социальные явления*, 2013, № 2. С. 111–116.
19. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. 230 с.
20. Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // *Политэкс*, 2011, № 2, том 7. С. 42–51.
21. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Том 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. 208 с.
22. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Том 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. 471 с.
23. Попова О. В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, 2012, сер. 6, вып. 1. С. 78–84.
24. Попова О. В. Исследование проблем политической идентичности в России // *Политэкс*, 2013, № 2, том 9. С. 205–219.
25. Попова О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // *Полис*, 2009, № 1. С. 143–157.
26. Попова О. В. Политическая идентичность в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 258 с.
27. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата // *Речевые акты в лингвистике и методике*. Пятигорск, 1986. С. 10–17.
28. Прохоренко И. Л. Проблема национальной идентичности в условиях европейской интеграции: испанский случай // *Ибероамериканские тетради*, 2016, № 1 (11). С. 49–55.
29. Роккан С., Урвин Д. В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // *Логос*, 2003, № 6 (40). С. 117–132.
30. Руткаускайте М. В. Формирование политической идентичности современной молодежи в процессе социализации: факторы и агенты.: Автореф. дис. ... д. пол. наук (23.00.02). Пермь, 2012. 26 с.
31. Семененко И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // *Полис*, 2009, № 6. С. 8–23.
32. Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // *Политэкс*, 2011, № 2, том 7. С. 5–24.
33. Сморгунов Л. В. Политическая идентичность и понятие политического. Размышления надо прочитанным // *Полис*, 2012, № 6. С. 178–185.
34. Соболев Т. В. Проблема формирования социальной идентичности в условиях глобальных общественных изменений // *Вестник Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко*, 2013. С. 212–219.
35. Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму истории // *Вестник МГИМО*, 2010, № 3. С. 49–56.
36. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
37. Шишкина Е. В. Интеграционные процессы в ЕС и европейская идентичность: учебно-справочное пособие / Е. В. Шишкина, Е. В. Викторова, О. В. Алексеева. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 66 с.
38. Шубникова Т. А. Европейская идентичность как электоральная стратегия на выборах в Европарламент // *Вестник Пермского университета*, 2010, вып. 2. Серия История и политология. С. 87–96.
39. Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction / A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti and E. Rudolph. Leuven, 2001. vol. 1.

40. Gronbeck B. The Presidency in the Age of Secondary Orality // Beyond the Rhetorical Presidency. College Station, 1996. P. 39.

41. White H. The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // Postcolonial Europe, 12.10.10. URL: <http://www.postcolonial-europe.eu/ru/essays/93--the-discourse-of-europe-and-the-search-for-a-european-identity> (дата обращения 03.07.19)

DISCURSIVE PRACTICES OF MANIFESTATION OF IDENTITY IN MODERN EUROPE: ON EXAMPLE OF ELECTION CAMPAIGN ON ELECTIONS TO THE EUROPEAN PARLIAMENT IN 2019

Negrov E. O., St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, negrov2001@mail.ru

The article deals with the analysis of discursive practices of formation and development of European identity on terms of public discourse in the countries of European Union with 28 states of Europe on example of elections to the European Parliament in 2019.

Basic models of constructing and manifestation of identity along with leading actors of this process (political parties, leaders of public opinion, etc) are determined.

The text of the article has been prepared within the framework of the project “State Policy in the Sphere of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects”, RFBR grant No. № 19-011-31616.

Relevance of the research is in the combination of rather fundamental review of basic directions of the research of discursive practices of formation and manifestation of identity along with the proposed model of classification of such practices, and attraction of detailed empiric research of spring 2019 electoral campaign to European Parliament which allows to highlight different aspects of the situation.

The article is of interest to researchers of political discourse and public political process both professionally engaged in this topic and simply interested.

Keywords: political identity, European identity, discursive practices, European Union, elections to the European Parliament.

References

1. Arapina, S. V. (2013). Evropeiskaya identichnost': teoria i praktika (nekotoryye aspekty) [European identity: theory and practice (some aspects)]. *ASHPI: Altaiskaya shkola politicheskikh issledovaniy* [ASPR: Altai school of political research] Available atURL: <http://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=2232>, accessed 24.06.2019.

2. Achkasov, V. A. (2010). Krizis natsional'noy identichnosti i problemy bezopasnosti Rossii [Crisis of national identity and problems of safety of Russia]. *Vestnik MGU* [Moscow State University Herald], 3 (12), pp. 63–67.

3. Achkasov, V. A. (2013). Politika identichnosti v sovremennom mire [Politics of identity in modern world]. *Vestnik SPbGU* [St.Petersburg State University Herald], 4 (6), pp. 71–77.

4. Belokonev, S. Yu, Titov, V. V. & Usmanov, Z. R. (2019). Rossiiskaya natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' pered vyzovami 21 veka [Russian national and state identity in front of challenges of 21st century]. *Vestnik RUDN* [Herald of Peoples' Friendship University of Russia], 1 (21), pp. 90–98.

5. Berendeev, M. V. (2012). “Evropeiskaya identichnost'” segodnya: kategoriya politicheskoi praktiki ili diskursa? [“European identity” today: category of political practice or discourse?]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of the Baltic University named after I. Kant], 6, pp. 71–77.

6. Vainshtein, G. I. (2009). Evropeiskaya identichnost': zhelaemoe i real'noye [European identity: desired and real]. *Polis* [Polis], 4, pp. 123–134.

7. Gadjev, K. S. (2011). Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyy aspekt [national aspect]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 10, pp. 3–16.

8. Gel'man, V. Ya. (2003). Politicheskie elity i strategii regional'noy identichnosti [Political elites and strategies of regional identity]. *Jurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 6, pp. 91–105.
9. Gofman, I. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Presentation of oneself to others in everyday life]. Moscow, Canon-press-c.
10. Guboglo, M. N. (2003) Identifikatsia identichnosti: etnosotsiologeskie ocherki [Identification of identity: ethno-sociological essays]. Moscow, Science.
11. Gusev, A. S. (2014). *Formirovaniye politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii (na primere Sankt-Peterburga i Amurskoy oblasti)* [Formation of political identity in modern Russia (on example of St. Petersburg and Amur region)]: diss. ... PhD in political science: 23.00.02. St. Petersburg.
12. *Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii: monografiya* (2015). [Discursive practices of modern institutional communication: monograph] Under the editorship of Kulikova, L. V. Krasnoyarsk, Siberian Federal University.
13. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sbornik statei po itogam Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii IMEMO RAN 21–22 oktyabrya 2010 goda* (2011) [Identity as a subject of political analysis: digest of articles on the basis of All-Russia scientific and theoretical conference of IWEIR RAS October 21–22]. Moscow, IWEIR RAS.
14. Lapkin, V. V. (2008) Modernizatsiya, globalizatsiya, identichnost'. Obshchie problem i rossiiskie osobennosti [Modernization, globalization, identity. Common problems and Russian particular qualities]. *Polis*, [Polis], 3, pp. 40–47.
15. Lapkin, V. V., Pantin, V. I. & Semenenko, I. S. (2010) Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya [Identity in coordinate system of the world development]. *Polis*, [Polis], 3, pp. 40–59.
16. Malinova, O. Yu. (2010) Simvolicheskaya politika b konstruirivanie makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii [Symbolic policy and constructing of macro political identity in post-Soviet Russia]. *Polis*, [Polis], 3, pp. 90–105.
17. Negrov, E. O. (2001) Ideologicheskaya identichnost' peterburzhtsev pervogo desyatiletiya 21 veka [Ideological identity of Petersburgers of the first decade of the 21st century: collective portrait] *Politeks*, [Politeks], 2 (7), pp. 62–86.
18. Olenina, K. I. (2013) Mehanizmy formirovaniya evropeiskoy identichnosti [Mechanisms of formation of European identity]. *Sotsial'nye yavleniya* [Social phenomena], 2, pp. 111–116.
19. Panov, P. V. (2011) Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka [Institutes, identities, practices: theoretical model of political order]. Moscow, ROSSPEN.
20. Pantin, V. I. (2011) Natsional'no-tsvilizatsionnaya identichnost': specifika Rossii [National and civilization identity: specificity of Russia]. *Politeks*, [Politeks], 2 (7), pp. 42–51.
21. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti [Political identity and politics of identity] (2012) In two volumes. V 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatii [Identity as a category of political science]. Executive editor Semenenko, I. S. Moscow, ROSSPEN.
22. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti [Political identity and politics of identity] (2012) In two volumes. V 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmemeniya v XXI veke [Identity and social and political changes in the 21st century]. Executive editor Semenenko, I. S. Moscow, ROSSPEN.
23. Popova, O. V. (2012) Evropeiskaya vs obshchegrazdanskaya identichnost': protivostoyaniye sushchestvuet? [European vs civil identity: is there a confrontation?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [St.Petersburg State University Herald], 6 (1), pp. 78–84.
24. Popova, O. V. (2013) Issledovaniye problem politicheskoy identichnosti v Rossii [Research of problems of political identity in Russia]. *Politeks*, [Politeks], 2 (9), pp. 205–219.
25. Popova, O. V. (2009) Osobennosti politicheskoy identichnosti v Rossii i stranakh Evropy [Particular qualities of political identity in Russia and countries of Europe]. *Polis*, [Polis], 1, pp. 143–157.
26. Popova, O. V. (2002) Politicheskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii obshchestva [Political identity in terms of transformation of society]. St.Petersburg, Publishing House of St.Petersburg State University.
27. Pocheptsov, G. G. (1986) O kommunikativnoy tipologii adresata [On communicative typology of an addressee] // Rechevye akty v lingvistike i metodike [Speech acts in linguistics and methodology]. Pyatigorsk, pp. 10–17.

28. Prokhorenko, I. L. (2016) Problema national'noy identichnosti v usloviyakh evropeiskoy integratsii: ispanskii sluchai [Problem of national identity in terms of European integration: Spanish case]. *Iberoamerikanskiye tetradi* [Iberian American papers], 1 (11), pp. 49–55.
29. Rokkan, S. & Urvin, D. V. (2003) Politika territorial'noy identichnosti. Issledovaniya po evropeiskomu regionalizmu [Policy of territorial identity. Researches on European regionalism]. *Logos* [Logos], 6 (40), pp. 117–132.
30. Rutkauskaite, M. V. (2012) Formirovanie politicheskoy identichnosti sovremennoy molodezhi v protsesse cotsializatsii: factory i agenty [Formation of political identity of modern youth on the process of socialization]: Diss. abstract ... Doctor in Political Science (23.00.02). Perm'.
31. Semenenko, I. S. (2009) Dilemmy natsional'noy identichnosti: politicheskie riski i sotsial'nye priobreteniya [Dilemmas of national identity: political risks and social acquirements]. *Polis*, [Polis], 6, pp. 8–23.
32. Semenenko, I. S. (2011) Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti [Political identity in a context of policy of identity] *Politeks*, [Politeks], 2 (7), pp. 5–24.
33. Smorgunov, L. V. (2012) Politicheskaya identichnost' i razmyshleniya nad prochitennym [Political identity and notions of political. Reflections on the read]. *Polis*, [Polis], 6, pp. 178–185.
34. Sobol', T. V. (2013) Problema formirovaniya sotcial'noy identichnosti v usloviyakh global'nykh obshchestvennykh izmenenii [Problem of formation of political identity in terms of global social changes]. *Vestnik Kyivskogo natsional'nogo universiteta im. T. Shevchenko* [Kyiv national university herald], pp. 212–219.
35. Timofeev, I. N. (2010) Rossiiskaya politicheskaya identichnost' cherez prizmu istorii [Russian political identity through prism of history] *Vestnik MGIMO* [MGIMO Herald], 3, pp. 49–56.
36. Shegal, E. I. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, 2004.
37. Shishkina, E. V. (2018) Integratsionnye protsessy v ES i evropeiskaya identichnost': uchebno-spravochnoye posobie [Integration processes on EU and European identity: tutorial] Shishkina, E. V., Viktorova & E. V. Alekseeva, O. V. St.Petersburg, Publishing House of St.Petersburg University of Economics.
38. Shubnikova, T. A. (2010) Evropeiskaya identichnost' kak elektoral'naya strategiya na vyborakh v Evroparlament [European identity as electoral identity on elections to European Parliament]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Herald of Perm University], 2, Series History and P\political science, pp. 87–96.
39. Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction / A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti and E. Rudolph. – Leuven, 2001. – vol. 1.
40. Gronbeck B. The Presidency in the Age of Secondary Orality // Beyond the Rhetorical Presidency. – College Station, 1996. – P. 39.
41. White H. The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // Postcolonial Europe, 12.10.10. – URL: <http://www.postcolonial-europe.eu/ru/essays/93--the-discourse-of-europe-and-the-search-for-a-european-identity>, accessed 03.07.2019.

Негров Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

negrov2001@mail.ru